

Причины обрыва слова в спонтанной коми речи

Г. А. Некрасова

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
komilang@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена анализу причин обрыва слова в спонтанной коми речи, а также установлению типичных причин появления этого вида сбоя в речи носителей разносистемных языков.

Цель: выявить и описать причины обрыва слова в спонтанной коми речи, сопоставить причины, вызывающие обрыв слова в спонтанной коми и русской речи.

Материалы исследования: аудио- и видеозаписи, содержащиеся в Коми медиатеке Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков, а также фрагменты бесед участников передач, показанных на Коми республиканском телевизионном канале «Юрган».

Результаты и научная новизна. В статье впервые проанализированы причины обрыва слова в спонтанной коми речи. Установлено, что в спонтанной коми речи обрыв слова может быть вызван различными причинами. В большей степени он обусловлен проблемами лексико-семантического характера – выбором и поиском конкретной лексической единицы, и в меньшей степени – определением грамматического и фонетического оформления слова. Выяснено, что в спонтанной коми и русской речи обрыв слова может быть вызван одними и теми же причинами, в числе которых выбор между синонимичными или семантически близкими словами, различающимися сферой употребления; выбор между грамматическими и фонетическими вариантами; лексическая, фонетическая и грамматическая оговорка; введение дополнительной информации; ошибка в предшествующем слове, хезитация. В спонтанной речи говорящего, одинаково хорошо владеющего двумя языками (родным и неродным) и двумя формами (литературной и диалектной) одного языка, обрыв слова может быть обусловлен также билингвизмом и диглоссией, что характерно для подавляющего большинства носителей коми языка.

Ключевые слова: устная речь, речевые сбои, хезитация, самоисправление говорящего, обрыв слова, билингвизм, диглоссия, коми язык

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Для цитирования: Некрасова Г. А. Причины обрыва слова в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 288–295.

Causes of a word breakage in spontaneous Komi speech

G. A. Nekrasova

*Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
komilang@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the article devoted to the analysis of the causes of a word breakage in spontaneous Komi speech, as well as to identification of typical causes of this type of failure in the speech of speakers of different-structured languages.

Objective: to identify and describe the causes of a word breakage in spontaneous Komi speech, to compare the causes in spontaneous Komi and Russian speech.

Research materials: audio- and video-recordings contained in the Komi Media Library of the Interregional Laboratory of Information Support for the Functioning of Finno-Ugric Languages, as well as fragments of conversations of participants in programs shown in the Komi Republican television channel “Yurgan”.

Results and novelty of the research: the article for the first time analyzes the causes of a word breakage in spontaneous Komi speech. It has been identified that in spontaneous Komi speech a word breakage can be caused by various causes. To a greater extent, it is due to problems of a lexical-semantic nature – the choice and search for a specific lexical unit, and to a lesser extent – the determination of the grammatical and phonetic form of a word. It was found that in spontaneous Komi and Russian speech, a word breakage can be caused by the same reasons, including the choice between synonymous or semantically similar words that differ in the sphere of use; the choice between grammatical and phonetic options; lexical,

phonetic and grammatical clause; introduction of additional information; error in the preceding word, hesitation. In the spontaneous speech of a speaker who is equally proficient in two languages (native and non-native) and two forms (literary and dialectal) of the same language, a word breakage can also be caused by bilingualism and diglossia, which is typical for the vast majority of native Komi speakers.

Key words: oral speech, speech failures, hesitation, speaker's self-corrections, word breakage, bilingualism, diglossia, Komi language

Acknowledgements: the publication was prepared within the framework of the planned topic of the research work of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Federal Research Centre, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, "Permian languages in the linguo-cultural space of the European North and the Urals" (reg. No. 121042600252-7).

For citation: Nekrasova G. A. Causes of a word breakage in spontaneous Komi speech // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (2/57): 288–295.

Введение

Одной из наиболее перспективных и развивающихся областей лингвистических исследований является коллоквиалистика, изучающая различные аспекты спонтанной устной речи. Актуальными на современном этапе её развития являются проблемы речевых сбоев и способов их преодоления, формально-функциональная характеристика маркеров хезитации и препаративной подстановки, вопросы классификации явлений хезитации. Первые исследования в этой области были проведены на материале английского языка [20; 21; др.]. В последние годы активно исследуются явления спонтанной русской речи, особенно речевые сбои и способы их коррекции [2; 10; 11; 12; др.]. Подъём интереса к проблемам устной речи отмечается также в финно-угорском языкознании [5; 15; 16; 17; 22; др.]. Имеющиеся немногочисленные сопоставительные исследования, выполненные на материале различных семей и ареалов, демонстрируют степень сходства и пределы типологического варьирования маркеров препаративной подстановки, видов речевых сбоев и их коррекции [14; 18; 19; др.]. Не менее важным представляется анализ причин, приводящих к возникновению трудностей с производством речи. Появление различных видов сбоев обычно объясняется двумя общими причинами: нарушением внешних условий коммуникации и внутренними проблемами планирования и реализации дискурса [1, 97; 11, 2–3; 13, 121; др.]. Среди частных факторов отмечаются психолингвистические (ориентировка, планирование, реализация плана, контроль), языковые (лексико-семантические, грамматические, орфоэпические), социолингвистические (пол, возраст, сфера деятельности, уровень и тип образования говорящего), психологические (неготовность к диалогу, особенности памяти, нервозность, ощущение неловкости, индивидуально-психологические особенности), индивидуальные

(нежелание говорить, узкий кругозор, речевые навыки, маленький словарный запас и пр.), физиологические (плохое самочувствие, необходимость сделать вдох, регуляция дыхания) [1, 97–100]. Указанные причины в той или иной мере мотивируют возникновение практически всех видов речевых сбоев. Вопрос о причинах, влияющих на характер и частотность конкретных видов сбоев, изучен довольно слабо, по крайней мере наиболее полное описание причин обрыва слова на сегодняшний день представлено только в статье Н. В. Богдановой-Бегларян [3]. Исследователь приводит лингвистические и психолингвистические факторы, связанные с обрывом слова в спонтанной русской речи, среди которых: «1) обычная хезитация <...>; 2) некоторый перфекционизм говорящего <...>; 3) выбор слова из пары синонимов <...>; 4) попытка произнести идиому или иную «нетривиальную» единицу; 5) ошибка в предшествующем слове; 6) оговорка, возникающая чаще всего по фонетическим причинам <...>» [3, 555]. Результаты этой работы мы будем использовать в данной статье, в которой рассмотрим типичные причины обрыва слова в спонтанной коми речи. Кроме того, попытаемся определить различие и сходство в причинах, вызывающих сбои в спонтанной коми и русской речи. Отметим, что сравниваемые языки относятся к разным морфологическим типам: коми язык – агглютинативный, русский язык – флективный. Такая постановка вопроса представляется весьма актуальной, поскольку причины речевых сбоев, в том числе обрыва слова, ещё не становились объектом рассмотрения в коми языкознании, более того – объектом межязыковых сопоставлений. Практическая значимость работы заключается в том, что основные положения и иллюстративный материал исследования могут быть использованы в сравнительно-сопоставительных исследованиях, а также в практике преподавания разносистемных языков.

Материалы и методы

Источниками послужили видео- и аудио-записи, содержащиеся в Коми медиатеке Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков [6]. В качестве дополнительного источника была использована спонтанная устная речь участников передач, показанных на Коми республиканском телевизионном канале «Юрган» [9]. Часть примеров, приведённых в этой статье, пересекается с примерами, рассмотренными в наших предыдущих работах [7; 8].

Основными методами анализа материала явились метод наблюдения, интроспекции, описательно-аналитический, сопоставительный.

Результаты

Обрыв, характеризующийся нарушением плавности и цельности произношения слова, может быть обусловлен различными, связанными между собой причинами. Поскольку одной из задач данной работы является сопоставление причин обрыва слова в спонтанной коми и русской речи, логично рассмотреть материал коми языка, ориентируясь на результаты исследования аналогичного явления на материале русского языка. Анализ примеров, представленных в нашем сравнительно небольшом корпусе, позволил выявить следующие причины, вызывающие обрывы слов в спонтанной коми речи.

1. Поиск и выбор лексической единицы

К обрыву слова могут привести затруднения в выборе конкретной лексической единицы. Говорящий, обозначив семантические и грамматические свойства слова, иногда колеблется в выборе между синонимичными или семантически близкими словами, нередко различающимися сферой употребления.

1.1 Выбор между синонимичными или семантически близкими словами

Замещение оборванного слова синонимом является, скорее всего, сознательной стратегией говорящего. Так, наличие маркера препаративной подстановки *мыйкӧяс* ‘эти’ перед оборванным словом в примере (1) свидетельствует о том, что говорящий спланировал форму слова, но он не успел определиться с выбором между словами *сёрни* ‘речь, разговор’ и *висьт* ‘рассказ’ в значении «то, что рассказывается».

(1) иж. (Пожня) *Рытъяснас удж, урокъяс помасясны, сы дорӧ локтам, гижалас сіе мянлысь мыйкӧяссӧ сёр= висьтъяссӧ аслас мыйке*

маг= магнитофон вылӧ [6] ‘По вечерам, когда работа, уроки закончатся, к нему придём, он записывает наши эти разг= рассказы на свой это маг= магнитофон’.

1.2. Выбор между литературным и диалектным словом

Коренное население Республики Коми является одновременно носителем литературного языка и конкретного диалекта. Выбор между этими формами языка определяет ситуация коммуникации, требующая от её участников определённого стиля речевого поведения. В ситуации официального общения говорящий стремится придерживаться норм литературного языка, однако в спонтанной речи, особенно жителей сельской местности, иногда встречаются вкрапления диалектизмов. Основной сферой использования диалекта является семейное и повседневно-бытовое общение. Постоянное взаимодействие с литературным языком приводит к постепенному изменению характерных черт диалектов. В речи диалектоносителя обнаруживаются слова и варианты слов литературного языка, отсутствующие в его родном диалекте. При построении дискурса говорящий, осуществляя контроль языка коммуникации, иногда вносит коррекцию в структуру высказывания. Так, в примере (2) говорящий, вспомнив о задаче говорить на родном диалекте, обрывает общеупотребительный глагол *вайны* и заменяет его на глагол *рӧдитны*, свойственный диалекту.

(2) иж. (Нарьян-Мар) *А вот изки дорас, маме на пыр висътоолас, изкиас кучысема – сідз вай= рӧдитэма медводь челядьсэ* [6] ‘И вот возле жёрнова, мама всё время рассказывала, держалась за жёрнов – так и род= родила первого ребёнка’.

В примере (3) фрагмент *вӧч=* литературного глагола *вӧчны* ‘делать’ заменён на диалектный *карны* с тем же значением, что объясняется намерением исследователя расположить информанта к разговору и сделать более понятными задаваемые ему вопросы.

(3) *А кыдзи сюръяснас ворсаннӧд, мый вӧча= каранныд?* [6] ‘А как [оленьими] рогами играете, что дела= делаете?’

1.3. Выбор между стилистически нейтральным и окрашенным словом

Говорящий может не договорить слово, поняв, что для публичной речи оно является стилистически окрашенным или некорректным в контексте высказывания, не отвечающим

коммуникативным запросам официального общения. Так, в примере (3) из [7], повторенном ниже как (4), не откорректирован фрагмент *сьёл=*, являющийся, скорее всего, началом глагола *сьёлышитны* ‘плюнуть’. Говорящий счёл неприемлемым его использование в официальной обстановке.

(4) *Сэся ... сьёл= мыйкё нав= м-мавтис, мавтис, черкйёдліс, черкйёдліс менсим, сэся шыбитис ручкасё, весиг чернилаыс бырис* ([9], от 10.03.2023) ‘Потом ... сьёл= это нав= корректировал, корректировал штрих-маркером, черкал, черкал мои [записи], затем бросил ручку, даже чернила закончились’.

В примере (5) оборвано слово *бабушка*, которое в данном высказывании, с точки зрения говорящего, является неуместным, содержащим указание на возраст. Чтобы не вызвать недопо-

нимание со стороны слушателя, коммуникант дополнительно информирует об ошибочной номинации, используя конструкцию с отрицательной частицей *абу* ‘нет’ и повторив оборванный фрагмент в составе слова. Для подтверждения исправления фрагмента высказывания он добавляет утвердительную частицу *да*.

(5) иж. (Нарьян-Мар) *И кор вот этче вои этнокультурнэй центре, татэн мыйке, но, кык вёліс бабуш= бабарёд, абу бабушка да* [6] ‘И вот когда [я] пришла сюда в этнокультурный центр, здесь это, ну, две были бабуш= женщины, не бабушки да’.

1.4. Выбор между русским и коми словом

По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г, подавляющее большинство носителей коми языка владеет также русским языком (см. табл. 1; данные по [4]).

Таблица 1

Численность коми населения и их владение коми и русским языками

Территория проживания коми населения	Численность коми населения	Владение русским языком	Владение коми языком
Республика Коми	127089 (4313) ¹	125633 (4218)	101626
Ненецкий АО	2431 (11)	2417 (11)	968
Мурманская обл.	1174 (348)	1169 (346)	377
Тюменская обл.	5646 (26)	5603 (26)	2339
Ханты-Мансийский АО	1558 (4)	1535 (4)	666
Ямало-Ненецкий АО	3490 (21)	3455 (21)	1406

Русскоязычные вставки наблюдаются в речи почти каждого коми-билингва, особенно в условиях социального доминирования русского языка. Говорящий, не найдя подходящего слова на родном языке, в своей речи использует слова из русского языка. Осуществляя контроль за качеством речи, особенно в случае, когда исходным является намерение говорить по-коми, он может оборвать русскоязычное вкрапление и заменить его коми соответствием. Такие случаи демонстрируют примеры (6) и (7).

(6) иж. (Нарьян-Мар) *И сэся и верес саас муни «Карп» колхозас этче сэж же, сы го= воас* [6] ‘И затем и вышла замуж туда, в колхоз «Карп», тогда же, в том же го= году’.

(7) иж. (Ханты-Мансийск) *Зэй уна кыы вед остяк кыысьыс и ненецкей кыысьыс мян коми*

кылас, особеннэ көрдорса олэмыслэн заимству= босьтэма [6] ‘Очень много слов ведь из хантыйского языка и ненецкого языка в нашем коми языке, особенно оленеводческой терминологии заимству= заимствовано’.

2. Выбор между фонетическими и грамматическими вариантами

Обрывы слов, вызванные выбором фонетического или грамматического варианта, для спонтанной коми речи не характерны. В нашем корпусе не засвидетельствованы случаи обрыва слова, связанные с выбором фонетического варианта, но зафиксированы единичные случаи повтора вариантов цельных слов. В качестве иллюстрации можно привести повтор формы слова *пон* ‘собака’ со вставочным согласным и без него: *поныс* и *понмыс*; представленный в примере (8).

¹ В скобке здесь и далее указана численность коми-ижемцев.

(8) иж. (Волоковая) *Роть, роть поныс, понмыс тай уна да* [6] ‘Русских, русских пород собак, собак ведь много да’.

В связи с этим можно предположить возможность обрыва одного варианта и его замену другим.

Обрывы слов, связанные с выбором грамматического варианта, также не являются типичными для коми речи, что обусловлено суффиксальным выражением грамматических значений. В качестве иллюстрации можно привести речевой сбой в примере (9): оборванный глагол в форме 1-го прошедшего времени (показатель *-и*) 3-го лица (показатель *-с*) (отсутствует показатель числа) заменён на форму 2-го прошедшего времени, тем самым говорящий решил подчеркнуть значение результативности и неочевидности действия. Этот пример интересен ещё и тем, что в данном контексте говорящий ошибается в выборе местоимения: после глагола говорящий ввёл личное местоимение 3-го лица единственного числа *сыя* ‘он, она’ вместо *ныя* ‘они’.

(9) иж. (Волоковая) *Ныя Мезень=, Мезеньлаздорын водьджыксэ олэмась. Ты дорысь татче ёё воис= воёмась сыя* [6] ‘Они раньше-то жили Мезень= в районе Мезени. Оттуда сюда ээ приехал= приехали было (он, она)’.

3. Ошибка номинации

Речевые сбои могут быть вызваны ошибочным употреблением лексической единицы, при этом отклонённый фрагмент и откорректированный коррелят могут входить в один таксономический класс, образовать антонимичные пары. Так, в примере (10) представлен обрыв ошибочно приведённого прилагательного (*ком(и)* ‘коми’), в примере (11) – наречия (*асывна(с)* ‘утром’), в примере (12) – существительного (*чом(ын)* ‘в чуме’).

(10) *Тодмалам, кыдзи Нина Куратова йитчёма Сергей Михалковкөд, ком= ёё роч гижыськөд, коді гижис гимн Советского Союза* [9, от 05.04.2019] ‘Узнаем, как Нина Куратова связана с Сергеем Михалковым, ком= ээ русским писателем, который написал гимн Советского Союза’.

(11) *Василий Ильич менё асывна= рытывбыд менё, сійё прамё зыньгис ме водзын, зыньгис: «Мунан он журналистё?»* [9, от 10.03.2023] ‘Василий Ильич меня утро целый вечер меня, он прямо брюзжал передо мной, брюзжал: «Будешь ли поступать на журналиста?»’.

(12) иж. (Салехард) *Да бөрвыы, сизим арен кор школаа коомис мунны, да уже бабе дорын олі чом= керкаан* [6] ‘А потом, когда в семь лет

надо было идти в школу, да уже жила у бабушки чум= в доме’.

4. Фонетическая и грамматическая оговорка

В процессе спонтанного речепорождения обрыв слова может быть вызван ошибкой в фонетическом или грамматическом оформлении единицы дискурса. Среди фонетических оговорок, представленных в нашем корпусе, доминирует замена звуков. Так, искажение фонетического облика слова в примере (4) характеризуется замещением согласного [п] на [м] (*нав= м-мавтис, мавтис*), в примере (13) – заменой гласного [у] начального слога на гласный [о] (*мо= мужиксьыс*).

(13) иж. (Нарьян-Мар) *А поли только, медланнэ менэ көнке оз босьны мөд, а ме мо= мужиксьыс вед сэк поли на ме* [6] ‘А я только боялась, чтобы он, видимо, не стал звать меня замуж, а мо= мужчин-то тогда ведь я ещё боялась’.

Крайне редко обрыв может быть обусловлен выпадением звуков в середине слова, как в примере (14).

(14) иж. (Нарьян-Мар) *Верп= Вертепын олісныс* [6] ‘Они жили в Верп= Вертепе’.

Обрыв слова, связанный с грамматической оговоркой, в нашем корпусе также представлен единичными случаями. Речевой сбой в примерах (15) и (16) состоит в ошибочном выборе падежа и послелога. В примере (15) говорящий, заметив неправильное употребление формы слова, исправляет только падежный суффикс без повтора существительного (*округнумлысь=нумлэн*), что представляет собой исключительный случай для коми языка.

(15) иж. (Саранпауль) *Ханты-Мансийск – сыя столица мяян автономнэй округнумлысь=нумлэн* [6] ‘Ханты-Мансийск – это столица нашего автономного округа’.

Ошибка в примере (16) заключается в неправильном выборе послелога, скорее всего, *помла* или *помлась* ‘из-за; ради; за; по; о’ вместо *саа* ‘за’: *верес саа мунны* ‘выйти замуж’. Оборвав послелог, говорящий не вспомнил нужный и откорректировал его русским предлогом *за*.

(16) иж. (Нарьян-Мар) *Сэсся ёё, кудз нэ, ае воис да, петіс ае пом= за ае маме* [6] ‘Затем ээ, как это, мой отец приехал, и моя мать вышла мой отец, за моего отца’.

5. Введение дополнительной информации

Обрыв слова может быть связан с введением дополнительной информации, которая семантически привязана к отклонённому фрагменту.

В процессе построения дискурса говорящий, оборвав слово, вносит новый материал в структуру высказывания, желая пояснить или уточнить сказанное. Так, в примере (17) обрыв глагола обусловлен заменой неопределённого местоимения (кодке 'кто-то') на полную именную группу (*Микул вок* 'брат Николай'), тем самым говорящим был уточнён участник описываемой ситуации.

(17) иж. (Нарьян-Мар) *Вот и висьтоола тай, но, кодке висьт=, Микул вок корке висьталэма: «Патриотка»* [6] 'Вот и говорю же, ну, кто-то ска=, когда-то брат Николай сказал было: «Патриотка»'.

На возникновение речевого сбоя в примере (18) могло повлиять намерение говорящего описать последовательность действий, связанных с обработкой камуса.

(18) иж. (Ловозеро) *Значит, ми тун=, эстьсь босьтам кыссэ и тундраын карам, вурам и нылы сетам* [6] 'Значит, мы тун= отсюда берём камусы и в тундре их обрабатываем, шьём и отдаём им [неженатым пастухам]'.

6. Исправление предшествующего слова

В процессе построения дискурса говорящий осуществляет оценку сказанного, корректируя показавшийся ему неправильным, неуместным в данном контексте одно слово на другое, иноязычное вкрапление на коми соответствие. В примере (19) обрыв глагола *аддзисьлам* связан с намерением говорящего исправить адаптированное русское наречие *частё* 'часто' на коми *тиёкыда* 'часто'.

(19) *Зэв на частё аддзи= тийёкыда аддзисьлам* [9, от 10.03.2023] 'Ещё очень часто встреч= часто встречаемся'.

7. Хезитация и припоминание

В спонтанной коми речи фрагмент слова в большинстве случаев повторяется в последующем слове без изменения [8], как в примере (20).

(20) иж. (Волоковая) *Смена вылын ке, гёлэстэ должен пастух се= сетны отторе* [6] 'Если на дежурстве, пастух постоянно должен по= подавать голос'.

Обрывы слов с повтором фрагмента в последующем слове без коррекции не связаны с поиском слова, они используются как исключительно хезитационное средство – для того, чтобы выиграть время для более долгосрочного планирования [3, 558; 10, 30–31]. Говорящий может прибегать к хезитации также при модификации и отмене оборванного слова, в этом случае он обдумывает возможный способ исправления проблемного отрезка высказывания. На хезитацию обычно указывают заполненные

и незаполненные паузы в речевом потоке, следующие непосредственно после оборванного слова. Так, в примере (21) отмена оборванного слова сопровождается звуками нефонемного характера [э-э], в примере (22) в точке прерывания использован лексический маркер речевого сбоя (междометие *ой*).

(21) иж. (Вертеп) *А ная сэж мыйке Краснобор совхозас оли= эээ рёбитисны, да?* [6] 'А они тогда в Красноборском совхозе жил= эээ работали, да?'.

(22) иж. (Вертеп) *А бабе зыранка, выходитэ, Нар=, ой, Сыктывкар дорысь* [6] 'А бабушка, выходит, зырянка, Нар=, ой, из-под Сыктывкара'.

Проблему припоминания: поиск, восстановление и извлечение из памяти необходимой информации, демонстрирует пример (23). Прерывание потока речи вызвано трудностями с поиском названия гостиницы. Говорящий имеет представление о том, что хочет сообщить, но не в состоянии сразу вспомнить. На проблему припоминания эксплицитно указывает вопрос, заданный говорящим самому себе (*Кутийом нё гостиница вёли?* 'Какая же гостиница была?'). Выбрав наконец нужную единицу дискурса, он снова ставит её под сомнение, прерывая слово при повторе.

(23) иж. (Пожня) *Сийё олис тани гёсти=... Сыктыв=... мыйкё ммм гостиница. Кутийом нё гостиница вёли? Партийные курсы. Орджоникидзе вылын вёли «Парти= ... ичёттик гостиница»* [6] 'Он жил здесь в гости=... Сыктыв=... это ммм гостиница. Какая же гостиница была? Партийные курсы. На улице Орджоникидзе была маленькая гостиница «Парти=»'.

Обсуждение и заключение

В спонтанной коми речи обрыв слова может быть вызван различными причинами. Трудности в процессе производства речи в большинстве случаев связаны с лексико-семантическими проблемами: поиск соответствующего слова, выбор между синонимичными или семантически близкими словами, различающимися сферой употребления (общеупотребительные, диалектные, стилистически нейтральные и окрашенные и др.). Обрыв слова крайне редко происходит из-за грамматических и фонетических проблем. Сопоставление причин, приводящих к обрыву слова в спонтанной коми и русской речи, показывает, что в речи носителей разносистемных языков обрывы слов могут быть обусловлены одними и теми же причинами. В нашем корпусе отсутствуют примеры, в которых обрыв слова обусловлен выбором

фонетического варианта словоформы, а также поиском устойчивого выражения. Остаётся неясным, является ли это результатом ограниченности проанализированного материала или крайне редким их появлением в речи, так как обрыв слова в указанных случаях вполне воз-

можен. Большинство коми населения хорошо владеет двумя языками – родным и неродным (русским), а также литературной и диалектной формами коми языка, поэтому речевые сбои в спонтанной коми речи могут быть вызваны также билингвизмом и диглоссией.

Список источников и литературы

1. Александрова О. А., Иваницкий В. В. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского государственного ун-та. 2003. № 25. С. 95–101.
2. Алексиева Т. Явления хезитации в русском спонтанном дискурсе. София: Парадигма, 2017. 232 с.
3. Богданова-Бегларян Н. В. Обрыв в устном монологе как «точка сбоя» и способы её преодоления // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 3. С. 555–567. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3).555-567.
4. Всероссийская перепись населения 2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 18.04.2023).
5. Гуляева Н. И. Хезитационные явления в коми спонтанной речи // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 416–424. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-416-424.
6. Коми медиатека / Р. Блокланд, В. Чупров, Д. Левченко, М. Федина, М. Федина, Н. Партанен, М. Рисслер. Сыктывкар: FU-Lab, 2016. URL: <https://fu-lab.ru/> (дата обращения: 01.04.2023–30.11.2023).
7. Некрасова Г. А. Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 452–460. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-452-460.
8. Некрасова Г. А. Обрыв в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 61–68. DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-1-61-68.
9. Передача «Миян йӧз» («Наши люди») // Официальный сайт Коми республиканского телевизионного канала «Юрган». Телепроекты. URL: https://www.xn--80af5aj3e.xn--p1ai/vse_proekty/ (дата обращения: 01.02.2023–30.06.2023).
10. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 7–55.
11. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Сер. 2. № 23. С. 2–23.
12. Подлеская В. И., Коротаев Н. А. «Эту... как её ... переписку Энгельса с этим ... как его, дьявола ... с Каутским» – об одном маркере речевого затруднения в русском языке // Русская речь. 2022. № 5. С. 64–78.
13. Яковлева Э. Б. Феномен речевых хезитаций. М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. 215 с.
14. Morphological self-repair: Self-repair within the word / B. Fox, F. Wouk, S. Fincke, W. H. Flores, M. Hayashi, M. Laakso, Ye. Maschler, A. Mehrabi, M.-L. Sorjonen, S. Uhmman, Hyun Jung Yang // Studies in Language. 2017. vol. 41, № 3. Pp. 638–659. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.41.3.04fox>.
15. Keevallik L. Marking boundaries between activities: the particle *nii* in Estonian // Research on Language and Social Interaction. 2010. № 2 (43). Pp. 157–182.
16. Laakso M., Lehtola M. Sanojen hakeminen afaattisen henkilön ja läheisen keskustelussa // Puhe ja kieli. 2003. № 1 (23). Pp. 1–24.
17. Németh Z. Recycling and replacement repairs as self-initiated same-turn self-repair strategies in Hungarian // Journal of pragmatics. 2012. № 44 (14). Pp. 2022–2034. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.09.015>.
18. Podlesskaya V. I. Parameters for typological variation of placeholders // Fillers, pauses and placeholders (Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32. DOI: <https://doi.org/10.1075/tsl.93.02pod>.
19. Embodied-visual practices during conversational repair: Scoping review / S. Saalasti, K. Pajo, B. Fox, S. Pekkala, M. Laakso // Research on Language and Social Interaction. 2023. № 56 (4). Pp. 311–329. DOI: <https://doi.org/10.1080/08351813.2023.2272528>.
20. Schegloff E. A. The Relevance of Repair to Syntax-for-Conversation // Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax. New York: Academic Press, 1979. Pp. 261–286.
21. Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H. The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation // Language. 1977. Vol. 53. № 2. Pp. 361–382.
22. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät // Virittäjä. 2005. № 2 (109). Pp. 244–271.

References

1. Aleksandrova O. A., Ivanitskiy V. V. *Pauza kolebaniya – kompleksnyj fenomen sovremennoj kommunikacii* [Pause of hesitation – a complex phenomenon of modern communication]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo un-ta* [Bulletin of Novgorod State University], 2003, no. 25, pp. 95–101. (In Russian)
2. Aleksieva T. *Javleniya khezitatsii v russkom spontannom diskurse* [Hesitation phenomena in Russian spontaneous discourse]. Sofia: Paradigma Publ., 2017. 232 p. (In Russian)
3. Bogdanova-Beglaryan N. V. *Obryv v ustnom monologe kak “tochka sboya” i sposoby ee preodoleniya* [The breakage in an

- oral monologue as a “point of failure” and ways to overcome it]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2020, no. 7 (3), pp. 555–567. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3). (In Russian)
4. *Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020. T. 5: Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami* [All-Russian Population Census 2020. Vol. 5: National composition and language proficiency]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed April 18, 2024). (In Russian)
5. Gulyaeva N. I. *Hezitationnyye yavleniya v komi spontannoj rechi* [Hesitation phenomena in spontaneous Komi speech]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 416–424. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-416-424. (In Russian)
6. *Komi mediateka* [Komi Media Library]. R. Blokland, V. Chuprov, D. Levchenko, M. Fedina, M. Fedina, N. Partanen, M. Rissler. Syktyvkar: FU-Lab, 2016. Available at: <https://fu-lab.ru/> (accessed April 1 – November 30, 2023). (In Komi)
7. Nekrasova G. A. *Samoispravleniya v spontannoj rechi nositelej komi yazyka* [Self-correction in the spontaneous speech of Komi speakers]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 452–460. (In Russian)
8. Nekrasova G. A. *Word break in spontaneous Komi speech* [Word break in spontaneous Komi speech]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies]. 2024, no. 14 (1/56), pp. 61–68. (In Russian)
9. *Peredacha “Mijan jöz” (“Nashi lyudi”)* [The program “Our people”]. *Oficial'nyj sajt Komi respublikanskogo televizionnogo kanala “Yurgan”*. *Teleproekty* [The official website of the Komi Republican television channel “Yurgan”. TV projects]. Available at: https://www.xn--80af5aj3e.xn--p1ai/vse_proekty/ (accessed February 1 – June 30, 2023). (In Komi)
10. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Korrekcija v ustnoj monologicheskoj rechi po dannym korpusnogo issledovaniya* [Correction in oral monologue speech according to corpus study data]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2006, no. 2 (12), pp. 7–55. (In Russian)
11. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Samoispravleniya govoryashchego i drugie tipy rechevyh sboev kak ob’ekt annotirovaniya v korpusah ustnoj rechi* [Self-correction of a speaker and other types of speech failures as an object of annotation in the corpus of oral speech]. *Nauchno-tehnicheskaya informacija* [Scientific and Technical Information], 2007, no. 2 (23), pp. 2–23. (In Russian)
12. Podlesskaya V. I., Korotaev N. A. “Etu... kak ee ... perepisku Engel'sa s etim ... kak ego, d'yavola ...s Kautskim” – ob odnom markere rechevogo zatrudneniya v russkom yazyke [“Etu... kak ee ... perepisku Engel'sa s etim ... kak ego, d'yavola ...s Kautskim” – about one marker of speech difficulty in the Russian language]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2022, no. 5, pp. 64–78. (In Russian)
13. Yakovleva E. B. *Fenomen rechevykh khezitatsiy* [Phenomenon of speech hesitations]. Moscow: INION RAN, Tsentr gumanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy Publ., 2021. 215 p. (In Russian)
14. Fox B., Wouk F. Fincke S., Hernandez Flores W., Hayashi M., Laakso M., Maschler Yael, Mehrabi A., Sorjonen M.-L., Uhmman S., Hyun Jung Yang Morphological self-repair: Self-repair within the word. *Studies in Language*, 2017, no. 41 (3), pp. 638–659. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.41.3.04fox>. (In English)
15. Keevallik L. Marking boundaries between activities: the particle *nii* in Estonian. *Research on Language and Social Interaction*, 2010, no. 2 (43), pp. 157–182. (In English)
16. Laakso M., Lehtola M. Sanojen hakeminen afaattisen henkilön ja läheisen keskustelussa. *Puhe ja kieli*, 2003, no. 1 (23), pp. 1–24. (In Finnish)
17. Németh Z. Recycling and replacement repairs as self-initiated same-turn self-repair strategies in Hungarian. *Journal of pragmatics*, 2012, no. 44 (14), pp. 2022–2034. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.09.015>. (In English)
18. Podlesskaya V. I. Parameters for typological variation of placeholders. *Fillers, pauses and placeholders (Typological Studies in Language 93)*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32. DOI: <https://doi.org/10.1075/tsl.93.02pod>. (In English)
19. Saalasti S., Pajo K., Fox B., Pekkala S., Laakso M. Embodied-visual practices during conversational repair: Scoping review. *Research on Language and Social Interaction*, 2023, no. 56 (4), pp. 311–329. DOI: <https://doi.org/10.1080/08351813.2023.2272528>. (In English)
20. Schegloff E. A. The Relevance of Repair to Syntax-for-Conversation. *Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax*. New York: Academic Press, 1979. Pp. 261–286. (In English)
21. Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H. The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation. *Language*, 1977, no. 53 (2), pp. 361–382. (In English)
22. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät. *Virtittäjä*, 2005, no. 2 (109), pp. 244–271. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Галина Александровна, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук, доцент.

komilang@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4995-4772

ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Galina Alexandrovna, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Communisticheskaya Str., 26), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

komilang@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4995-4772